

М. Б. Горнунг, Москва

ГЕРАЛЬДИКА В «ТРУДАХ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЩЕСТВА ЭКСЛИБРИСИСТОВ» (1924—1931 гг.)

Геральдика за 70 лет советского периода российской истории, как известно, не часто была темой увидевших свет в нашей стране произведений. Но даже опубликованные по этой тематике (преимущественно в 1920-х — начале 1930-х гг.) работы обычно появлялись в малотиражных изданиях, один из которых давно стали библиофильскими раритетами, другие почти забыты. В определенной степени это относится к «Трудам Ленинградского Общества экслибрисистов» (далее Л. О. Э.), выходявших в 1924—1931 гг. небольшими тиражами. Эти хорошо иллюстрированные, можно сказать изысканные в полиграфическом отношении выпуски несмотря на свое название содержат, думается, больше геральдических материалов, чем какие-либо другие наши публикации того времени.

Это объясняется прежде всего двумя причинами. Во-первых, российский книжный знак исходно и на протяжении почти полутора столетий (до середины XIX века) был чаще всего гербовым, т. е. геральдическим. Во-вторых, и это может быть главное, самое активное участие в создании и всей деятельности Л. О. Э. принимал выдающийся русский геральдист профессор Владислав Крескентьевич Лукомский (1882—1946). Он же был и редактором всех выпусков Трудов Л. О. Э. Кроме него в работе Общества участвовали и другие видные геральдисты (гербоведы) и генеалоги: А. А. Сиверс, В. К. Охочинский и др.

Общество возникло осенью 1922 г. и первоначально называлось «Петроградским обществом экслибрисистов». Но первый выпуск его трудов вышел только в 1924 г., когда город был переименован, а вместе с этим сменили название все городские организации. Оно просуществовало самостоятельно до конца 1929 г., проведя более 170 заседаний с самыми разнообразными докладами, устроив несколько выставок и опубликовав 12 выпусков своих Трудов (в восьми книгах). С 1-го января 1930 г. Л. О. Э. было ликвидировано, превратившись в одну из секций городского общества библиофилов (Л. О. Б.). Все же в 1931 г. библиофильское общество сумело опубликовать, хотя и тиражом всего в 150 экземпляров, заключительный тринадцатый выпуск «Трудов Л. О. Э.» также под редакцией В. К. Лукомского. Этот выпуск содержит Летопись Общества за два последних года его самостоятельного существования и библиографию всех изданий Л. О. Э. Последним же «всплеском» деятельности бывшего Л. О. Э., отраженной в печатном виде, явилась публикация в 1931 г. в первом выпуске «Хроники Л. О. Б.» нескольких докладов, сделанных в 1930 г. членами бывшего Л. О. Э.

Каждый выпуск “Трудов Л. О. Э.” открывался “Летописью Общества” за прошедший период, в которой достаточно подробно излагалось содержание важнейших докладов на заседаниях общества, а также воспроизводился соответствующий иллюстративный материал. Предлагаемый далее обзор докладов, прямо или косвенно связанных с вопросами геральдики (гербоведения), должен, как нам кажется, представить определенный интерес и для современных геральдистов. Как бы подтверждением этого служит одно любопытное совпадение: на первом заседании общества в 1922 г. точно также как и в первом номере возрожденного на 70 лет позже этой даты “Гербоведа”, внимание было привлечено к гербу рода Брюсов и его изображению на экслибрисе графа Я. В. Брюса.

В “Летописи” за 1922—1923 гг. (“Труды Л. О. Э.”, вып. 1, 1924 г.) изложен доклад В. К. Лукомского об эволюции герба графов Брюсов, сделанный в ноябре 1922 г. на заседании общества, посвященного памяти тесно связанного с гербоведением У. Г. Иваска, по существу родоначальника российской экслибристики. Доклад интересен, в частности, применявшейся В. К. Лукомским методикой детального сличения разных изображений одного и того же родового герба для установления личности конкретного владельца данного экслибриса, печати и т. п. На примере исследования вариантов изображения герба Брюсов Лукомский показал, что для ранних российских гербовых книжных знаков нередки существенные погрешности в изображении художниками-граверами даже важнейших элементов гербов.

В декабре того же года в докладе С. А. Мухина о “Книжных знаках Строгановых” с помощью той же методики впервые проведена атрибуция гербовых экслибрисов, принадлежавших разным ветвям и поколениям этого рода. На том же заседании В. К. Лукомский сделал сообщение о “Загадочном супер-экслибрисе” (т. е. знаке владельца, тисненном на переплете), своеобразно соединившем гербы Строгановых и Голицыных, предложив при этом свою методику определения конкретных владельцев соединенных гербов на книжных знаках.

Тогда же был сделан может быть более известный генеалогам и геральдистам доклад В. А. Бриллианта об “анонимном” экслибрисе с гербом и девизом рода Бибиковых, который первоначально относили к генерал-аншефу А. И. Бибинову (1728—1774)—победителю Емельяна Пугачева. Исследуя по методике Лукомского изображения наград на гербовом знаке, Бриллиант по их сочетанию безошибочно доказал, что в действительности экслибрис принадлежал не генерал-аншефу, а его сыну, сенатору А. А. Бибинову (1765—1822).

На этом экслибрисе (рис. 1) изображены звезда ордена Св. Анны, два креста, один из которых бесспорно на георгиевской ленте, наградная шпага и медаль (с портретом Екатерины II). Именно А. А. Бибинов получил шпагу “За храбрость” в шведскую кампанию 1789 г., но за войну со шведами он был награжден также орденом Св. Георгия IV степени. За сопровождение Екатерины II в Таврическом путешествии он был пожалован портретной нагрудной медалью, а при Павле I младший Бибинов получает Анну со звездой. В 1813 г. за участие во взятии Полоцка орденом Св. Георгия III-й степени его награждает Александр I. Именно эти награды и изображены на “анонимном” экслибрисе Бибикова.

Рис. 1. Эскилибрис сенатора
А. А. Бибикова (1765—1822)

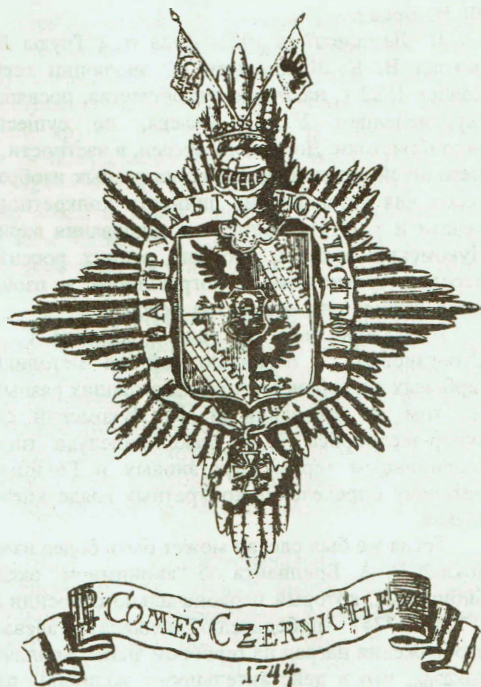

Рис. 3. Эскилибрис графа
П. Г. Чернышева (1712—1773)

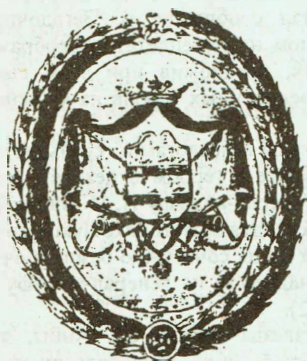

Рис. 2. Эскилибрис адмирала
И. И. де Траверсе (1754—1830)

Рис. 4. Эклибрис генерала
А. А. Писарева (1780—1848)

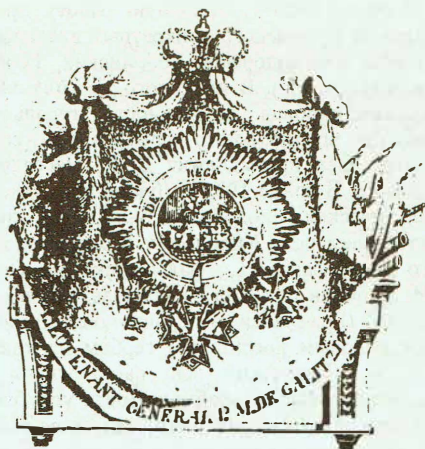

Рис. 5. Эклибрис князя
М. М. Голицына (1731—1804)

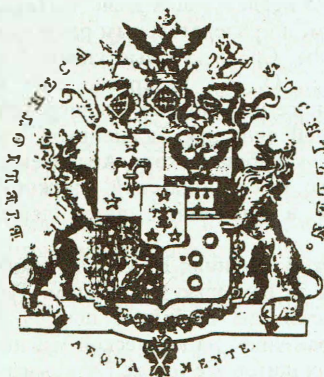

Рис. 6. Эклибрис генерала
П. К. Сухтелена (1751—1836)

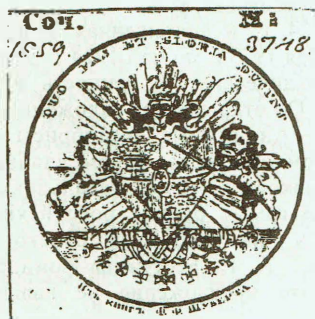

Рис. 7. Эклибрис генерала
Ф. Ф. Шуберта (1789—1865),
ранний вариант

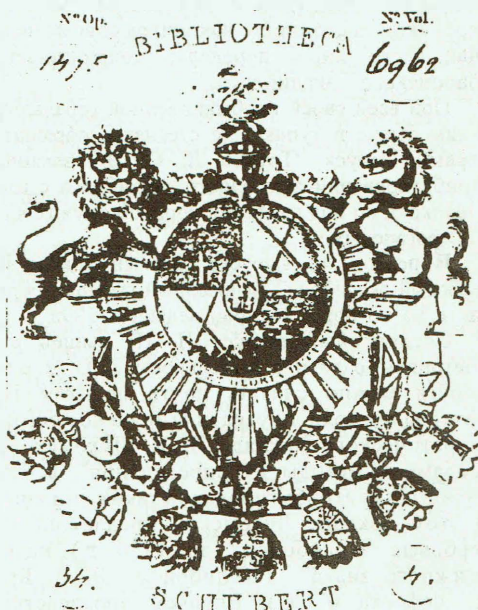

Рис. 8. Эклибрис генерала
Ф. Ф. Шуберта (1789—1865),
поздний вариант

В марте 1923 г. подобную работу продолжил А. А. Войтов, выявивший методикой Лукомского конкретных владельцев ряда гербовых экслибрисов XIX в. (гербы Бенкендорфов, Бобринских, Голицыных, Кочубеев, Новосильцовых, Шуваловых и др.). В июле того же года сам В. К. Лукомский вновь с блеском продемонстрировал возможности геральдики для экслибристики, проведя атрибуцию штемпельного ярлыка с монограммой и элементами герба и доказав, что этот знак принадлежит Д. К. Нессельроде, сыну известного российского дипломата. В конце 1923 г. Лукомский, увлекавшийся всегда решением сложных геральдических головоломок, установил, что экслибрис с изображением в главе щита эмблем рода Кириловых и с графской короной не является, как всеми до этого предполагалось, фальсификатом. Оказалось, что в конце XIX в. некто И. И. Кирилов получил не признававшийся в России "графский титул папского престола" (Грациадеи) и самолично соединил это спорное графство с подлинным своим родовым российским гербом на книжном знаке.

В. К. Лукомский всю свою жизнь на подобных частных примерах стремился показать необходимость углубленного исследования даже частных вопросов личной геральдики, считая ее сложным, но увлекательным разделом этой вспомогательной исторической дисциплины. Среди его выступлений в этом направлении в начале деятельности Л. О. Э. интересно еще и сообщение в том же 1923 г. о подлинности одного из гербовых экслибрисов А. А. Аракчеева. Его знак с баронской короной считался фальшивкой, но Лукомский убедительно доказал подлинность экслибриса: хотя Аракчеев в баронском достоинстве находился совсем недолго, но его "графский" книжный знак всего лишь переделка сохранившегося в единичных экземплярах "баронского" экслибриса.

При всей своей необыкновенной геральдической эрудиции В. К. Лукомский и сам бывал в тупике, не стесняясь обращаться за помощью к коллегам. Так первый выпуск "Трудов Л. О. Э." заканчивался его призывом помочь в атрибутировании еще одного экслибриса с изображением на книжеской мантии с шапкою, но под графской короной двух гербовых щитов все тех же Голицыных и Строгановых.

В первом же выпуске изложен доклад В. К. Охочинского "Современный гербовый экслибрис", основанный главным образом на работах А. М. Литвиненко, часть из которых воспроизведена в 1995 г. в "Гербовед" № 8.

Соединенный выпуск II—III вышел в 1924 г. и помещенная в нем "Летопись" охватила деятельность Л. О. Э. с ноября 1923 г. по май 1924 г. Этот выпуск можно считать почти целиком геральдическим, и ценность его материалов вряд ли утратила значение сегодня. Он открывается изложением теоретического доклада В. К. Лукомского — "Анонимные экслибрисы с гербами и методы их определения", в котором обобщены рекомендации ученого для атрибутирования таких книжных знаков с помощью геральдики. В этом докладе Лукомский предложил также самые ранние российские гербовые экслибрисы (до 1750 г.) называть "инкубулами русского книжного знака" (экслибрисы Я. В. Брюса, А. П. Бестужева-Рюмина, А. Лефорты и др.). Впрочем впоследствии это предложение не нашло поддержки в Л. О. Э.

В докладе, сделанном А. К. Соколовским в декабре 1923 г., впервые были систематизированы гербовые и вензельные экслибрисы последних царствовавших

Романовых, что положило начало изучению многочисленных книжных знаков этой обширной просвещенной семьи, продолжающегося и ныне.

В начале 1924 г. в докладах С. А. Мухина и В. В. Зенкевича внимание было уделено гербовым и вензельным супер-экслибрисам (русским и иностранным), что представляет определенный интерес и для русской геральдики. В этом отношении весьма ценен помещенный в выпуске хорошо иллюстрированный указатель (справочник) русских вензельных знаков, составленный А. К. Соколовским, обобщившим труд многих исследователей.

В выпуске IV ("Летопись" за май—ноябрь 1924 г.), вышедшем в 1925 г., выделяется в геральдическом плане доклад Ю. А. Нелидова — "Книжные знаки князей Гагариных". В основу приводимой истории их рода положены материалы из многолетнего труда "Потомство Рюрика" Г. А. Власьева. Нелидов обращает внимание на то, что на многих экслибрисах членов этого рода рисунок гагаринского герба не соответствует его утвержденному виду. Существенные трудности для атрибутирования и гагаринских книжных знаков представляют сложные вензели на экслибрисах со сдвоенными гербами, в особенности представительниц этого княжеского рода.

В этом же выпуске помещен доклад Л. Ф. Ильина о книжных знаках библиотеки Военно-Медицинской Академии, в числе которых один из первых в России учрежденных знаков с государственным гербом, относящийся к середине XVIII в. В сообщении о "новооткрытых" экслибрисах работы знаменитого русского гравера Н. И. Уткина В. К. Лукомский, продолжая "расшифровку" т. н. анонимных гербовых знаков, относит к работам этого художника экслибрисы графа Жозефа де Местра, сардинского посланника при Александре I и В. Д. Олсуфьева, в изображении родового герба которого, не уяснив точного значения геральдических фигур, Уткин допустил смешение родовых эмблем.

В выпуске V в 1925 г. ("Летопись" за ноябрь 1924 г.— февраль 1925 г.) для геральдистов интересен доклад А. А. Сиверса — "Книжные знаки семьи Ливенов", появившихся на русской службе при Петре I, ставших графами при Павле и светлейшими князьями при Николае I. Внимание уделено эволюции герба Ливенов в России и нарастающему количеству ошибок в его изображении на книжных знаках при повторных заказах гербового экслибриса новым граверам. Гербовым книжным знаком семьи Кочубеев в январе 1925 г. был посвящен доклад А. К. Соколовского, рассмотревшего две ветви этого рода — княжескую и дворянскую. В том же месяце в схожем ключе М. Я. Лерман проанализировал гербовые книжные знаки семьи Крейтонов, шотландцев по происхождению и потомков короля Стюарта, перешедших на русскую службу при Александре I (лейб-медик Арчибальд Вильям — он же Василий Петрович Крейтон). Внук лейб-медика, полковник лейб-гвардии Сергей Николаевич имел уже утвержденный в России герб, на котором родовые геральдические эмблемы Крейтонов расположены были в обратном порядке (собака с нашлаемника перемещена на место отсутствующего щита, а лев с добавлением меча — в нашлаемник).

В 1925 г. вышел и выпуск VI ("Летопись" за март—май 1925 г.), в котором геральдическая тематика отходит на второй план и с ней соприкасается лишь доклад П. И. Белавенца — "Русские книжные знаки с изображением флагов", особенно интересный для "знаменоведов". В докладе подробно

и с историческими экскурсами описаны гербовые знаки Лефортов с бело-синие-красным флагом с андреевским крестом (флаг старшего адмирала при Петре I), Грейгов с тремя андреевскими флагами) полные российские адмиралы), И. Ф. Крузенштерн с двумя андреевскими флагами (вице-адмирал) и экзотическими фигурами щитодержателей, напоминающими о его кругосветном путешествии.

В отличие от предыдущего сдвоенный выпуск VII—VIII, вышедший в 1926 г. ("Летопись" за июнь-ноябрь 1926 г.), уделяет много места геральдическим сюжетам. В. К. Лукомский вновь продолжил дискуссию о правильности атрибуций экслибрисов с гербом Лефортов. Отсутствие каких-либо данных о восполнении герба Ф. Я. Лефорта русскими эмблемами, а тем более отсутствие у него титулов заставляет, по мнению Лукомского, искать (соответственно гербу на экслибрисе) Лефорта с баронским титулом (Священной Римской империи?), представителя других ветвей этого рода. Так Лукомский доказал, что ни Францу Лефорту, ни его сыну широко известный лефортовский гербовый экслибрис принадлежать не мог, а адмиральский русский флаг в гербе мог быть лишь знаком памяти о самом знаменитом Лефорте. Истинного же владельца экслибриса В. К. Лукомский так и не нашел.

Центральное место в выпуске занимает "Указатель гербовых книжных знаков", составленный В. К. Лукомским и включающий 6 таблиц, на которых схематически изображено 180 эмблем на гербовых щитах. Это позволяет легко определить родовую принадлежность анонимных русских гербовых экслибрисов. Таблицы сопровождается текстовое описание около 200 таких атрибутированных книжных знаков. Указателю предпослана теоретическая заметка В. К. Лукомского, имеющая целью найти ответ на логичный вопрос: "Может ли быть анонимным герб?".

Отвечая на им же самим поставленный вопрос В. К. Лукомский писал: "Строго говоря, конечно,— нет, ибо герб есть символ "имени", а потому не может быть знаком "безымянности"; но, с другой стороны, только для того не анонимен герб, кто умеет раскрыть этот символ и, следовательно, прочесть скрытое в нем имя". Именно поэтому Лукомский считал необходимым расширить предложенный им "Указатель", подчеркивая, что число официально утвержденных российских гербов около 4700, в 10 частях "Общего Гербовника дворянских родов Российской Империи" издано всего 1562 герба, а для остальных нет даже краткого "эмблематического" указателя-определителя. Это положение мало изменилось за прошедшие полвека после кончины Лукомского, и даже простое воспроизводство, например в "Гербовед", таблиц Лукомского в полном объеме, а еще лучше с дополнениями, было бы очень полезным сегодня.

Сдвоенный выпуск IX—X ("Летопись" с ноября 1925 г. по ноябрь 1926 г.) вышел в 1927 г. и тоже насыщен материалами, интересными для русской геральдики. В докладе А. А. Труханова "Символика книжного знака" рассмотрены геральдические средства символизации владельца книги, которые зачастую приводят к появлению экслибрисов, лишь подражающих оттенкам личных гербовых печатей. Труханов подчеркивал, что "гербовые изображения, появившиеся в эпоху так называемой "живой геральдики" из сопоставления щита и шлема средневекового рыцаря, с течением времени утратили свою реальность и непосредственность, превратившись в отвлеченный символ принадлежности

Рис. 9. Проект книжного знака для библиотеки Императора Николая II в Гатчинском Дворце. Рисунок бар. А. Е. Фелькерзама, 1907 г.

лица к определенному сословию и роду". Поэтому в гербовых книжных знаках, особенно в XIX в., владелец и художник все чаще стали искать способ "индивидуализировать" экслибрис либо с помощью личных атрибутов — например, изображение знаков отличия, должностных эмблем и т. п. (см. рис. 2—8), либо в показе гербовых эмблем во все более вольной трактовке и композиции, т. е. с прямым нарушением геральдических канонов.

В докладе С. А. Карпова в декабре 1925 г.—"Несколько донских книжных знаков" было привлечено внимание к почти не сохранившимся после гражданской войны (и после того, что получило название "рассказывания") книжным знакам, в том числе и гербовым, библиотек казачьих войсковых частей, учебных заведений, личных библиотек казачьих генералов и офицеров в некогда процветавшем и в культурном отношении Донском крае России.

А. К. Соколовский в феврале 1926 г. возвратился к теме "Книжные знаки б. императорской фамилии", дав описание 270 экслибрисов 67 представителей царствующего дома России в XIX—XX вв. Кроме того он описал книжные знаки 12 дворцовых библиотек. Почти вся эта серия экслибрисов в большей или меньшей степени связана с романовской геральдикой (рис. 9).

Доклад С. Н. Замятина в апреле того же года о некоторых старых русских экслибрисах вызвал дискуссию с Лукомским и другими членами Общества, в результате которой была уточнена персональная принадлежность ряда гербовых экслибрисов Салтыковых и графов Толстых. В июне состоялся пространный доклад В. К. Лукомского об именах художников старых экслибрисов. Геральдист, сравнивая особенности изображения деталей гербов на некоторых гербовых экслибрисах (например, манеру заштриховки мантий) с гравированными гербами в "Общем Гербовнике" (части, изданные в 1836—1848 гг.), установил имена художников (Н. И. Уткин, А. Г. Ухтомский, И. П. Фридрици), которые наряду с работой для Гербовника выполняли частные заказы (книжные знаки графов Вельгских, Реймонд-Модена и др.).

В этом же выпуске помещены развернутые дополнения и исправления, сделанные самим В. К. Лукомским к опубликованному ранее его "Указателю анонимных гербовых книжных знаков". Автор мотивировал также отсутствие в Указателе некоторых считавшихся российскими гербовых экслибрисов тем, что он относит их владельцев к "инородцам, не связанным с русской жизнью и культурой". Доклад Лукомского сопровождается иллюстрацией особо редких геральдических знаков князя Антиоха Кантемира, графа А. В. Капниста и др.

В августе 1926 г. В. К. Лукомский сделал доклад о мотивах, связанных с литовско-польской геральдикой XVI—XIX вв., на литовских экслибрисах XX в. Тогда же эту тему затронул в своем сообщении бесценный председатель Л. О. Э. В. Савонько. В то же году В. К. Лукомский еще раз вернулся к методике персональной атрибуции геральдических книжных знаков на примере экслибриса с французской поговоркой ("Книга — друг, который никогда не меняется") и гербом князей Долгоруких в докладе — "Одна из загадок в области экслибриса".

В 1928 г. вышел выпуск XI—XII ("Летопись" с ноября 1926 г. по ноябрь 1927 г.), ставший последним собственным изданием Общества. С геральдикой наиболее связаны помещенные в выпуске обзоры докладов В. А. Бриллианта о книжных знаках Барятинских, В. К. Лукомского о супер-экслибрисе

кн. И. И. Барятинского, В. И. Кардашевского об экслибрисах библиотеки рода Михалковых.

Именно тщательный геральдический анализ и уточнение перевода латинских девизов позволили Лукомскому отнести герб на книжном знаке, считавшемся экслибрисом генерал-фельдмаршала А. И. Барятинского (1810—1879), совершенно к другому роду, к одному из потомков другого генерал-фельдмаршала — св. князя П. М. Волконского (1777—1852). Кардашевский же проследил эволюцию изображения герба на книгах родового собрания Михалковых, что стало возможным благодаря исключительной сохранности этой большой библиотеки (около 40 тыс. томов и 20 тыс. гравюр и литографий). Она в 1909 г. целиком была передана в Академию наук из-за “установления опекунов над личностью” С. В. Михалкова, сына рыбинского уездного предводителя дворянства.

XIII-й выпуск “Трудов Л. О. Э.” вышел в свет уже после ликвидации Общества, как сказано выше. И в последние два года самостоятельной деятельности Л. О. Э. почти вся геральдическая тематика была связана с именем В. К. Лукомского, но касалась лишь частных, узких вопросов: расшифровка гербовых экслибрисов врача-англичанина на русской службе в 1778—1807 гг. Матвея Гутри, атрибуция супер-экслибриса Бирона до его избрания герцогом Курляндским и т. п.

Последний доклад в Л. О. Э., прямо касавшийся геральдики, был сделан в октябре 1929 г. В. Н. Петровым. Описывая экслибрисы библиотек ряда русских усадеб начала XIX в., он установил по характеру гербовых знаков, что усадебные книжные собрания, как правило, явно “мыслились не как личная собственность, а как родовая принадлежность”.

Хочется надеяться, что даже сделанный беглый обзор позволяет должным образом оценить тот заметный вклад, который внесли в отечественную геральдику, занимаясь изучением русских гербовых книжных знаков, В. К. Лукомский и его коллеги всего за несколько лет существования Л. О. Э. Тем же, кого заинтересуют детали упомянутых геральдических изысканий, придется обратиться непосредственно к “Трудам Л. О. Э.”.